

Обрыв цепи. Часть 1

20.01.2015

Своим появлением на свет Евгений Майоров обязан матери с отцом и заботливым акушером, еле-еле выхотившим двухкилограммового младенца. Своими деяниями во взрослой жизни не обязан никому, ибо все познавал и всего достигал самолично; опорой ему была верная и умная жена. Своим крутым жизненным маршрутом оставил светлый след, достойный всматривания и восхищения.

ОТКРЫТИЕ

Вера Майорова: «Мы с ним в одной группе на факультете самолетостроения в МАТИ (Московский авиационно-технологический институт — Л. Р.) оказались на третьем курсе. В 60-м. До того занимался в другой группе, но вынужден был взять академический отпуск. Посещал лабораторные работы, практические занятия и военное дело. Целый год прозанимался, а мы только здоровались перед занятиями. Внимания на него я совсем не обращала. Женя был ужасно зажатый и стеснительный. Однажды из института выхожу, а Женя навстречу:

— Ты куда собралась?

— Домой. Хоть поспать пару часиков.

— Да брось ты. Пойдем в кино, там сейчас крутят «Золотую богиню» (фильм о мировом футбольном первенстве 1962 года, дававший единственную возможность поглядеть те игры спустя месяцы, поскольку прямые телетрансляции в стране тогда не велись — Л. Р.).

С чего это я согласилась, не пойму. «Россия», «Новости дня», «Художественный»... Пол-Москвы обошли, пока сеанс нас наконец-то устроил. Бродили не спеша и разговаривали, разговаривали. И в тот же день я ощутила какой-то душевный прилив. Подружке призналась:

— Я, кажется, влюбилась!

— В кого же? Из нашей группы?

— Ну да.

Она почти всех перебрала и, почти сдавшись, изумленно назвала самого серого, вечно ничего толком не понимавшего парня:

— Ну не в Зайцева же, надеюсь?!

— В Майорова...

В тот погожий день я открыла для себя совершенно нового человека».

ПОСТУПОК

Анатолий Тарасов с гордостью оповещал общественность о том, что «в нашей сборной есть настоящие интеллектуалы, студенты столичных вузов». Ими были братья Майоровы и Старшинов — учились в МАТИ.

Борис Майоров: «Был сбор на базе ЦСКА на Песчаной улице. Брату надо было срочно съездить в институт. Подошел к Тарасову: «Анатолий Владимирович, отпустите меня на экзамен в институт». Тот ни в какую: «Нет. Будет тренировка». Тогда брат взял и самовольно покинул базу. Вообще Женя жестким был в определенных жизненных ситуациях. Тарасов затаился, конечно.»

Вера Майорова: «Братья учились в школе хорошо, Борис с серебряной медалью закончил. Химия Жене нравилась, поступал в Менделеевский: на сочинении срезался, хотя обладал природной грамотностью. Но переволновался и наделал кучу ошибок. С дочкой нашей, Ольгой, та же история приключилась... А потом он в МАТИ поступил вслед за братом. После того дня, когда я открыла для себя Женю, он надолго уехал со «Спартаком». Турне на Урал и в Сибирь со спаренными матчами. Потом, возможно, в сборную привлекли... В общем, больше месяца не виделись. В МАТИ учеба была будь здоров, не посачкуешь, а у Жени начались отставания — как с такими выездами в институте управиться-то?! Вернулся. Пошел меня провожать и с огорчением сообщил: «Хвостов — море. Наверное, возьму «академку». А я отсоветовала: «Жаль, конечно. Только учти — легче потом не будет. Давай попробуем наверстать. Я тебе помогу». И помогла. Мы за несколько месяцев сдали зимнюю сессию, а летнюю он уже сдавал вместе с группой, а это всегда легче, чем одному. Я жила в центре, а он — на Юго-Западе. Так не поверите — занимались в метро на лавочке, пережидая проезжающие поезда, чтобы слышать друг друга!»

Евгений Майоров — Вячеслав Старшинов — Борис Майоров. Огнедышащая спартаковская тройка, игравшая либо на «пятерку», либо на «пятерку с плюсом». Аркадий Чернышев часто выпускал их в ключевые моменты решающих матчей сборной СССР. На фоне сметающего все на своем пути Вячеслава и неукротимого технаря Бориса смотрелся Евгений не столь ярко, однако и преуменьшать его роль не стоит; добавлял в общий рисунок осмысленности, зрячести, импульса, настырности. Собственно, в наших тройках-лидерах обычно так и было: один партнер пребывал немного в тени. Братья устраивали фирменную спартаковскую карусель, а центрфорвард ставил жирную точку. Числятся за ним и два исторических завершения комбинаций старшиновского

звена. Четвертая шайба в бою с ЦСКА, позволившая добиться ничьей и впервые завоевать для «Спартака» золото в 62-м. Гол и голевой пас в олимпийской битве с Канадой в 64-м, позволившие одолеть родоначальников игры со счетом 3:2 и добыть золото после восьмилетнего перерыва.

ПОД ВЕНЕЦ...

Вера Майорова: «...Свадьбу сыграли после окончания МАТИ в 63-м. Первую квартиру получили от «Спартака» в Останкине. Прямо напротив находилась территория солженицынской шарашки... Вечером я обычно высматривала мужа в окно. Даже издали определяла, что это он: вот люди вышли из автобуса и направились к нашим домам, впереди обязательно он — Женя ходил очень быстро, быстрее всех».

ЗЛОСТЬ

Братья в нашем хоккее выступали. Но таких мастеровито-злых не припомню. Злых в самом лучшем понимании этого слова в спорте. Поражение не воспринимали на дух. Евгений с Борисом горячились на скамейке и на льду, спорили с арбитрами и... друг с другом. Да как! Однажды Чернышев сцепившихся меж собой Майоровых выгнал с матча сборной!.. В другой раз (кажется, в поединке против ЦСКА) арбитр удалил Евгения, который в порыве негодования быстро прокатился в считанных сантиметрах от человека в полосатой форме, ювелирно не задев его, — тот от неожиданности грохнулся на лед под аккомпанемент язвительного грохота трибун. В шахматы сражались друг против друга до победного конца, после чего короли с ферзями разлетались в разные стороны от рук уступившего в полете тонкой мысли на маленьком деревянном черно-белом поле. Спортивная злость улетучивалась мигом, оба забывали о бурном всплеске эмоций легко и очень скоро.

ПОСУДА

Вера Майорова: «Глава семейства мыл в нашем доме посуду. Решительно взял эту женскую обязанность на себя, объяснив нам с дочерью кратко и ясно: «Вы неправильно складываете тарелки и все остальное. Сам буду мыть». Мы охотно согласились. Помогал по дому чем мог, никакой работы не чурался: на крышу лез зимой, когда квартиру заливало; окна мыл, хотя там изловчиться надо было, дом-то «сталинский». Вот гвоздь прибить или смастерить что-нибудь — не его было. Зато аккуратист. Школьные тетрадки можно было на выставку отправлять. В чем-то даже педант. Все у него было разложено по полочкам. Когда закрепился на телевидении и стал часто ездить, отчеты по командировкам подбивал копеечка в копеечку. В останкинской бухгалтерии его просто обожали!».

В ходе традиционного новогоднего турне сборной СССР по Северной Америке Евгений получил травму — сломал акромиально-ключичный отросток. Еще до объявления точного диагноза хоккеист, мучаясь от острой боли, объяснил Тарасову, что не может выходить на лед. Доводы не показались тренеру убедительными. И тогда Евгений в простонародной форме сформулировал свой вынужденный выход из боевых порядков сборной. По возвращении Чернышев обнадежил: «Лечись, и ты поедешь на чемпионат мира». Больше Евгений Майоров не наденет свитер с буквами «СССР». Монолит спартаковской тройки будет нарушен. Однако Майоров продолжит играть в родном «Спартаке». Значит, мог бы играть и в сборной. Так в чем тут загадка? Гипотезы могут быть разными. Могут также рассматриваться их сочетания. Одной стычки с властолюбивым и памятливым Тарасовым хватило для образования трещины, которая меньше уже не становилась. Травма (привычный вывих) тоже не способствовала росту акций Евгения. Однако ж Чернышев его почему-то обнадежил.

Борис Майоров: «На том Мемориале Брауна травмировались Веня Александров, я и Женька. Нас поставили на ноги, а Женьке настрого порекомендовали покой на несколько дней. Ну он в жесткой форме и объяснил Тарасову, что отказывается выходить на лед. Анатолий Владимирович не любил ссылок на здоровье, на травмы, а тут допускаю, что дополнительный толчок возникшему конфликту могла дать та история с отъездом брата на экзамен в институт, несмотря на тарасовский запрет. Не знаю, почему выбрали в нашу тройку армейца Ионова. Хороший парень и хороший игрок, но совсем не подходил нам со Славой Старшиновым».

Вера Майорова: «Привычный вывих плеча досаждал мужу. В те годы медицина не справлялась по-настоящему с такой травмой, мы обращались и к Зое Сергеевне Мироновой... Как-то там ушивали суставную сумку, но при этом ограничивалась свобода движения. Женя продолжал успешно выступать за «Спартак». Но закрытые двери сборной угнетали его, а еще больше угнетало неравенство условий: первенство страны прерывалось на время заграничных турне сборной, и это выбивало мужа из привычной колеи. Отношения мужа с Тарасовым были тяжелыми. Не заладилось с самого начала. Женя уважительно и тепло отзывался об Аркадии Ивановиче, а Анатолия Владимировича предпочитал вообще не обсуждать. Только подчеркивал, что управлял сборной в матчах единолично Чернышев, и делал он это великолепно.

Не хочется ворошить прошлое... Но из первых рук, как говорится, уже в 80-е нам с мужем стало известно, что Тарасов в 60-е вынашивал планы не только тактической нейтрализации старшиновского звена в матчах армейцев против «Спартака», но и вообще ослабления красно-белых в принципе. Что ж, ему это удалось. В 90-м на мировом первенстве в Швейцарии наши пути с Тарасовым пересеклись. Первый и последний раз. Тучным был, дышал тяжело; был таким активным пенсионером. Обратился ко мне вежливо: «Вы знаете, а я ведь пересмотрел свое отношение к Евгению. Написал в книге, которая недавно вышла».

ДИССЕРТАНТ-АВИАТОР

Евгений Майоров не был в состоянии проломить дверь в сборную, захлопнутую перед ним на крепкие засовы в 65-м. «Сборники» чувствовали несправедливость его отцепления и потому, добыв очередное золото, сразу согласились с предложением цээсковца Константина Локтева скинуться на подарок Майорову: сначала намеревались тренерам что-нибудь купить, но Локтев настоял, мол, уж кому в первую очередь мы обязаны внимание оказать, так это Женьке. Сказал ему в Москве: «Тебе из штанов придется выскочить, чтобы в сборную вернуться. Я через такие унижения прошел... Ты с твоим характером не сможешь все это стерпеть». Он выступал за родной «Спартак» еще несколько лет, став в 67-м двукратным чемпионом СССР под водительством Всеволода Боброва. Однако мотивация была уже не та. Штурмовать мировые вершины стало невозможно. Коробило это, сознание ведь не обманешь. Майоров оказался на обочине. И он ушел со льда.

С ходу ему доверили штурвал в «Спартаке». И это — сразу после нежданного и загадочного (отдельная, впрочем, полудетективная история) ухода Всеволода Боброва, взявшего золото с профсоюзной командой в 67-м. И это — сразу после финиша игровой карьеры. Чуда не произошло... Однако имел профессию, не зря же в МАТИ отучился, не просто ради диплома о высшем образовании. Поступил на работу в НИАТ (Научно-исследовательский институт авиационной технологии). Параллельно дважды в неделю занимался с детьми в спартаковской школе. В институте были им довольны, даже тему диссертации утвердили: «Прочность авиационных конструкций». Но хоккей не отпускал, и душой он был там... Игумнов, вершивший судьбы спартаковской поросли, позвал: «Давай, Евгений, приходи к нам. Ты очень нужен. А авиация как-нибудь без тебя обойдется». Не прислушаться к наказу Александра Ивановича он не смог.

Продолжение следует

Материал опубликован в журнале КХЛ «Горячий лед», № 2 (сезон 2014/2015).

Леонид РЕЙЗЕР

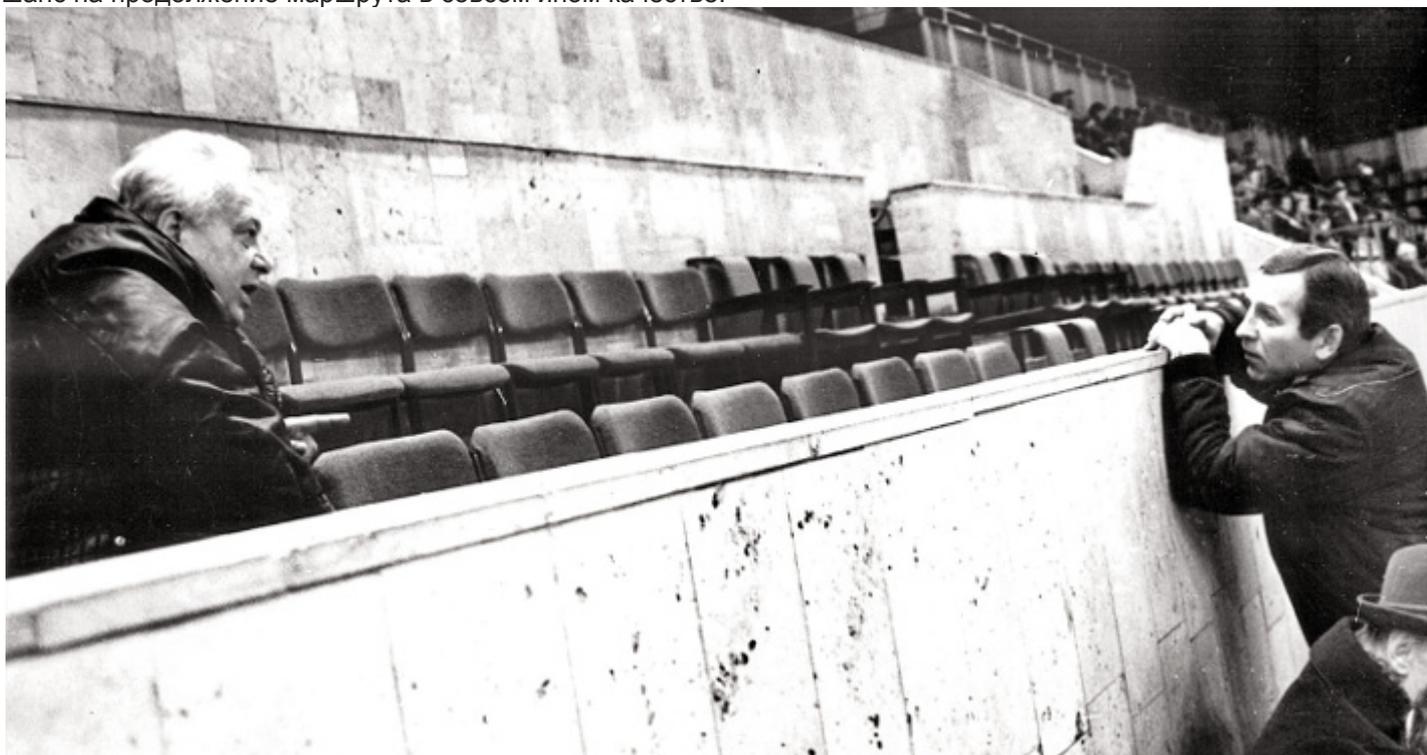
23.01.2015

Продолжение материала о судьбе олимпийского чемпиона, двукратного чемпиона СССР, знаменитого комментатора Евгения Майорова.

ОБРЫВ ЦЕПИ — 2

Борис Майоров: «Брат работал в спартаковской школе. И как тренер, и как директор проявил себя наилучшим образом. Вел команду 58-го года рождения. Высоких результатов она добивалась. Ребята там способные были: Владимир Зубков, Владимир Кучеренко, Александр Залогин и другие».

Юрий Морозов, заслуженный тренер СССР: «Сработались мы как-то сразу. Я — старший тренер, он — тренер. Состав был чудо как хорош: Жлуктов, Боря Александров, Билялетдинов, Первухин, Мышкин, Юра Новиков... На сборе перед турниром Женя работал с нападающими. Требовательным был. Неумным. На высокие тона иногда переходил, и я даже успокаивал его. Женя на 50 дней старше меня, так я подшучивал: «Зато у меня каждый год за два идет...» С каждым, кто не попал в состав, он побеседовал индивидуально: объяснил причины, подбодрил, указал, над чем стоит поработать... Незалеченная рана от давнишнего несправедливого отцепления его самого от сборной давала о себе знать, и он старался как-то сгладить переживания молодых парней. В Ленинграде мы стали чемпионами — первыми чемпионами мира среди молодежных сборных. Тогда календаря у этой сборной не было, собирали ее незадолго до мирового первенства. Через год Майорова не назначили в сборную. Причину я так и не узнал. Если бы поинтересовались моим мнением, то я бы однозначно высказался за его кандидатуру. А так все решалось на тренерском совете федерации. А там голос Тарасова весил очень много...» Евгений Александрович почувствовал рукой потолок, будто в тесной хрущевке оказался. Как тренер состоялся, а ходу дальше не было. Тяготился этим очень. Мотивация скатывалась к нулю. В судьбе произошел второй обрыв цепи. Впору было надломиться. Но такое — не про его натуру. У судьбы-злодейки будто проснулась совесть. И она подарила шанс на продолжение маршрута в совсем ином качестве.

ШАНС

В 38 лет он оказался на перепутье: в авиации попробовал — не затянуло, в тренерстве — тупик, куда направить свои стопы — совершенно неясно. И тут старый приятель Аркадий Ратнер, давно работавший на радио и телевидении, предложил попробовать свои силы на комментаторской ниве. От чего ж не рискнуть? Из-под пера Евгения Александровича в свое время вышло несколько статей на актуальные темы, его ставил в пример коллегам даже Лев Филатов, главный редактор еженедельника «Футбол–Хоккей»: «Смотрите, как пишет бывший хоккеист!..» Но все же то были разовые всплески, а тут — центральное телевидение! Супруги

очень волновались накануне пробы в Останкине. Удивительно — Женю сразу взяли на работу. Вернулся домой огорошенный:

— Погоди радоваться. Условия такие — 140 рублей зарплата плюс гонорар за те материалы, которые выходят в эфир.

— Ну и замечательно!

— А как мы будем жить? На что?!

— Продадим машину. Справимся.

В первый раз муж принес домой 35 рублей аванса. И готов был бросить всю эту затею, хотя жена видела, что у него получается и что ему нравится новое дело. Вечерком в их дом нагрянули Женины друзья, два профессора. Жена их специально позвала, чтобы подбодрили его. Пошел мужской разговор. Немного выпивали и много говорили. Гости приводили аргумент за аргументом: «Даже и не думай отказываться от телевидения. Это же твое. слышали твой комментарий. А деньги — постепенно все утрясется. Потерпи какое-то время». Разошлись под утро, зато со своей миссией справились. Несколько месяцев семья проедала эту машину.

Супруги активно занимались, сообщая осваивая новую профессию. Только не на лавочке в метро, как в студенческие годы, а в собственной квартире. Техника речи. Синонимы... Женя стал девятым в когорте популярных телекомментаторов: Озеров, Спарре, Семенов, Саркисянц, Писаревский, Махарадзе, Маслаченко, Перетулин. И не потерялся среди них!

Вера Майорова: «Женя очень любил читать. Мы выписывали все стоящее, что выходило в литературной периодике: «Иностранную литературу», «Знамя», «Новый мир». Он очень любил Виктора Астафьева, я — Уильяма Фолкнера. А как только Солженицына разрешили печатать, старались ничего не упускать. «Архипелаг ГУЛАГ» нам передал втихую друг семьи, купивший книгу за границей».

КОММЕНТАТОР No 1

Как-то незаметно, без видимых сверхусилий и каких-нибудь хитрых приемов Евгений Майоров выдвинулся в лидеры спортивного комментария на телевидении.

Вера Майорова: «У моего отца была госдача в Мамонтовке. В поселке Здоровый Быт — в стиле Ильфа и Петрова название... Участки большущие, сплошные заборы, Москва неподалеку, рядом Клязьма течет... В перестройку можно было выкупить дачу, но муж категорически возражал. Не тянуло его сюда. Очень любил природу. Грибником был заядлым: в пять утра выбирался с приятелем на старый петербургский тракт, за сотню километров от Москвы. Коллеги по работе на телевидении шутили: «После Майорова в лесу ловить нечего!» Я-то ужасно не хотела искать новое место и строить все с нуля. За Рузой участок взяли, голая земля только. Но Женя поднимал дачную целину с горящими глазами». Там рядом и Володя Маслаченко обосновался. Муж над ним подтрунивал: «Никитич все грибы передает». Сам-то ходил по лесу неторопливо и осторожно».

Точно и образно высказался о майоровской манере комментировать сдержанный во всем (и в похвалах тоже) Лев Филатов, главный редактор еженедельника «Футбол–Хоккей»: «Мне очень нравится, что Евгений Александрович не завязывает бантиков». Своя ненавязчивая манера. Мягкие интонации. Никого не учил и никого не разносил. Единственное, чего не признавал, — когда игрок выходит и не выкладывается, дурака валяет. Сказали ему, что один известный хоккеист обиделся на майоровскую реплику в свой адрес. «Так пусть придет, обсудим все открыто», — предложил Евгений Александрович. Уже на второй минуте общения игрок признал правоту заслуженного мастера спорта по хоккею и снял свои претензии. А однажды после первого тайма Майоров искренне возмущился видом футболистов: «Ну надо же — они даже не вспотели толком!» Спорт знал и чувствовал настолько, что частенько по предматчевой разминке угадывал победителя. И все же феномен Евгения Майорова объяснить отнюдь не просто. На то, видимо, он и есть феномен...

Борис Майоров: «На телевидении появился человек, который мог рассказать о том, что происходит на поле. Евгений видел и чувствовал игру. И хоккей и футбол. Мы же с ним в первой мужской команде футбольного «Спартака» выступали.

Брат комментировал без крика и надрыва, без лозунгов и прочего словесного мусора. Не мешал смотреть хоккей, а помогал это делать в культурной и доходчивой форме. Был заслуженно популярен среди

телезрителей. Пользовался большим уважением и на 1-м канале, и на НТВ+. И не чувствовать такое не мог. Наверное, чувствовал себя корифеем... Имел на это полное право. Брат, уже будучи тяжело больным, все предлагал мне: «Давай вместе проведем репортаж!» Увы, как-то не сложилось».

Юрий Розанов, комментатор НТВ+ и КХЛ ТВ: «Из 350 кандидатов отобрали 15 человек для собеседования.

В их число попал и я. Вышел в коридор, и кто-то мне палочкой тихонечко стукнул по плечу:

— Молодой человек, вы зачислены в мою группу, — обратился ко мне Майоров.

— Да я готов бесплатно у вас работать, Евгений Александрович!

— Ну и дурак... — после небольшой паузы произнес он.

Он учил меня, не поучая и не натаскивая. Говорил: «Что можешь — бери». Помню другие майоровские фразы: «Совет дают тогда, когда его просят», «Не ругай игроков — они делают свое дело». Меньше двух лет я отработал с Евгением Александровичем. «Нормально» — это означало 10 баллов, выше словесной оценки от него услышать не доводилось. Ненавязчивым был. Жил ровно по установке: твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. При этом обладал полной внутренней свободой! Характером-то был крутой мужик, о чем догадаться было непросто. Это был человек вне времени. Больше скажу. Сегодня был б в еще большей цене. Его стиль перпендикулярен распространенной вокруг трескотне. Емкое немногословие затмевает все остальное.

Вера Майорова: «Женя умел дружить. Ценил преданность. Верные друзья были как раз не из мира спорта. Одноклассники. Из мира кино — Слава Тихонов, Стас Росточкин, Виталий Макаров. Эти трое были спартаковскими болельщиками. Росточкин повторял: «Учти, Женя, я всегда за тобой слежу». А когда Евгений ушел от нас, многие растворились неизвестно где, а Слава, Стас и Виталий остались с нами, осиротевшими... Еще художники нас окружали, ученые, преподаватели».

ОБРЫВ ЦЕПИ — 3

Сегодня набирает обороты мировая акция, в которой люди обливаются ледяной водой и жертвуют деньги на помощь больным боковым амиотрофическим склерозом.

Вот этот жуткий недуг и подкосил Евгения Майорова.

Тот неравный бой он вел так, как ни одному супермену не снилось. Сверхмужественно. Сверхтерпеливо. Сверхделикатно по отношению к близким.

Комментировал хоккей вплоть до последней возможности. Страшный недуг затруднял, ко всему прочему, дыхание, нормально произносить слова уже почти не получалось. На чемпионат мира 97-го поехал вместе с супругой, в одиночку бы не справился. Ходил на костылях. «Ходил на костях», — так выразилась Вера Лаврентьевна о последней командировке Евгения Александровича. Откуда свалилось это страшное несчастье?

Слышал о том, что на даче то ли травмировался он, то ли еще что-то произошло...

Злой рок непредсказуем, и потому не в силах человеческих защититься от него.

Вера Майорова: «Началось на ровном месте... Отчего? Почему? Никто не знает. Было предположение: мол, он сам разгрузил грузовик с цементом во время дачного строительства, переутомился сильно — и вот пошло-поехало... Еще укоряли — зачем же сам взялся, нашел бы кого-нибудь для таскания мешков... Но это же не про Женю. Начала провисать левая стопа. Решили, что защемление нерва. Ничего, думали, массаж поможет... А массаж запрещен! Стал прихрамывать.

В институте неврологии заявили: срочно нужна операция на позвоночнике. Левая нога начала худеть. В институте нейрохирургии имени Бурденко сказали, что никакой операции не надо.

Я мужу говорю: «Такие противоречия в диагнозах. Давай дальше исследоваться». Мышцы начали непроизвольно подергиваться.

В первом медицинском нашли очень хорошего диагноста Давида Рувимовича Штульмана. позвал меня к себе: — Ваш муж тяжело болен.

— Что — рак?

— Хуже. Боковой амиотрофический склероз...

Нарушение белкового обмена в организме. Растворяются белковые оболочки нервных волокон, которые оказываются оголенными. И — короткое замыкание. Белки растворяются — замыкание в цепи. Мышцы непроизвольно подергиваются... Нет в мире средств от этого заболевания. Мы с Женей читали о знаменитом английском физике Стивене Хокинге, живущем с тем же диагнозом: голова работает; до сих пор жив. Певец Владимир Мигуля протянул два года, а мы — семь, композитор Шостакович — одиннадцать лет; для него знаменитый врач Илизаров специальные приборы делал. К кому мы только не обращались... Валентин Дикуль предупредил: «Теперь вокруг вас появятся шарлатаны». Почерк у мужа долго не менялся, потом и писать разборчиво не мог. Лекарство откуда только не заказывали: США, Израиль, Франция, Германия. У французской фирмы приобретали одну упаковку за 680 долларов, зарплата была 1000 долларов, хватало на 28 дней. Не улучшало состояние, зато приостанавливало разрушительный процесс. Это нам разъяснили в институте мышечной патологии.

Летом 97-го поехал в командировку в Израиль. Там на футбольном стадионе была специальная вышка для комментатора, не очень высокая, но забраться на рабочее место было выше его физических сил, которых уже совсем не осталось. Так представляете — ребята с НТВ буквально на руках Женю подняли, а после матча так же бережно спустили на землю. Муж задержался там на десять дней для обследования в клинике. Врач прямо сказал, сколько ему осталось... Женя ни полусловом мне не обмолвился. А тот врач точно предсказал его уход, недели на две ошибся.

В сентябре 97-го Женя весил 50 килограммов. К концу октября начались проблемы с речью. Тогда же состоялся последний его эфир... Очень оберегал меня и о многом не рассказывал. Сидел как-то в машине, а мимо знакомые проходили: «Я так устал... Только Вере не говорите об этом». Совесть его мучила, что зарплату продолжает получать на НТВ+. Леша Бурков успокаивал: «У вас больничный лист. Не волнуйтесь, ради бога». А сам впоследствии рано и внезапно ушел от нас». По словам Аркадия Ратнера — человека, который в 76-м позвал Майорова на телевидение, «Женю невозможно было заставить выступить со словами «Эту победу сборной мы посвящаем...»

По словам Веры Майоровой, муж получал указания из партийных верхов «не критиковать очень уж жестко сборную при плохом выступлении». На этот компромисс готов был согласиться, потому что сам не распекал игроков почем зря, зато при успешном исходе турнира хвалебных од даже чиновники от него не требовали.

XXX

Евгений Майоров состоялся как игрок, как тренер и как телекомментатор: звезда — высокий профессионал — звезда. Подобных гармоничных счастливых судеб в нашем спорте — единицы.

Евгений Майоров — счастливый человек, несмотря на три обрыв в его жизненной цепи. И каждый раз он находил в себе мужество не падать духом и двигаться вперед по жизни с широко открытыми глазами. Сколько знаем людей, которых расплющивали тяготы куда меньшего масштаба... Евгений Александрович и ушел от нас с гордо поднятой головой и стремлением оградить близких от переживаний. Вера Лаврентьевна более тридцати лет на кафедре технологии машиностроения преподавала курс «Обработка металлов давлением и теория пластической деформации»; сегодня репетиторствует по математике. Дочь по настоянию Евгения Александровича назвали Ольгой. Состоявшаяся женщина. Была в 14-летнем возрасте чемпионкой Москвы по настольному теннису, но отцовскую спортивную злость не унаследовала. Внук Евгений продвигается по банковской линии. А внучка Варвара сражается на теннисном корте так, что дедушка увидел бы в ней себя в том же возрасте на ледовой коробке. Цепь жизни Евгения Майорова, прерванная «коротким замыканием» нервных волокон, продолжается.

Материал опубликован в журнале КХЛ «Горячий лед», №2 (сезон 2014/2015 годов)

Леонид РЕЙЗЕР